

Соглашение о поправках заключается участниками, но не a priori — как это предусматривает статья 54 Венской конвенции 1969 г. — всеми участниками (только в случае двустороннего договора ipso facto требуется соглашение всех сторон).

Ограничивая круг субъектов, которые могут заключить соглашение о поправках участниками, то есть государствами, которые согласились на обязательность для них договора, и для которых договор находится в силе (абзац восьмой пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1969 г.), статья 39 не допускает прямо возможность внесения поправок в договоры, не вступившие в силу. По этой причине она не в полной мере согласуется с практикой государств и положениями пункта 2 статьи 40 конвенции, согласно которым право участвовать в заключении любого соглашения о внесении поправок в договор принадлежит договаривающимся государствам, то есть государствам, которые согласились на обязательность для них договора, независимо от того, вступил договор в силу или нет (абзац седьмой пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1969 г.).

Некоторые перспективы совершенствования суда Евразийского экономического союза

*Вильковский Е. Л., магистрант БрГУ им. А. С. Пушкина,
науч. рук. Чмыга О. В., канд. юр. наук, доц.*

Развитие интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза неотъемлемо было связано с созданием институционального органа по разрешению споров Союза. Следовательно, Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд Союза, Суд), являясь постоянно действующим судебным органом, должен, наряду с другими органами Союза, вносить вклад в укрепление и развитие интеграции.

Порядок формирования, организации и деятельности Суда Союза закреплен в Договоре о ЕАЭС, Статуте Суда (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС), Регламенте Суда ЕАЭС. Так, судей в новый Суд избирает Высший совет ЕАЭС на 9 лет, именно высший орган Союза утверждает Регламент Суда [1]. Здесь можно выделить первую проблему Статута Суда. Отсутствие института ротации судей в действующем Статуте Суда может привести к ситуации, когда по истечении действующего срока полномочий состав Суда будет полностью обновлен, что существенно образом повлияет на качество рассматриваемых дел и преемственность практики Суда. Введение института ротации судей каждые три года на треть позволит избежать полного обновления состава Суда [2; 156].

В настоящее время изменилась компетенция Суда по рассмотрению споров, инициированных либо государствами-члена ЕАЭС, либо хозяйствующими субъектами [1]. Ранее существовавшее в Статуте ЕвразЭС право ЕЭК инициировать разбирательство в Суде в отношении государства-участника нарушающего свои обязательства по праву ЕАЭС было упразднено. В настоящее время Комиссия лишь констатирует факт нарушения государством своих обязательств и рекомендует нарушителю их устранить. В результате принятие и исполнение решений в ЕАЭС во многом зависит от воли Высшего совета, для принятия им решения по данному вопросу.

В настоящее время право обжалования в Суде Союза решений ЕЭК предоставлено «хозяйствующим субъектам». Под хозяйствующим субъектом понимается юридическое либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя. Получается, что иные лица, чьи интересы могут быть затронуты решениями ЕЭК, такой возможности не имеют, что, конечно, ослабляет интеграционный процесс. Чем более активным является взаимодействие с Судом Союза индивидов, тем более прочными становятся интеграционные связи. Отсутствие каталога прав человека на евразийском уровне и, соответственно, невозможность широкой защиты позволяют присоединиться к выводу о том, что в системе защиты прав человека на уровне Союза существуют серьезные изъяны [3; 99].

В литературе уже обращалось внимание на то, что «в новом Статуте Суда Союза исключена функция вынесения преюдициальных заключений по запросам национальных судов» [2, с. 159]. Видимо, опыт Суда ЕвразЭС повлиял на то, что у Суда Союза отсутствует преюдициальная юрисдикция, которая, как свидетельствует практика, является важнейшим инструментом, обеспечивающим развитие интеграции, поскольку способствует единообразному пониманию и применению норм права интеграционного объединения национальными судами. На наш взгляд, по мере развития евразийского интеграционного проекта все более очевидной становится необходимость наделения Суда правом давать преюдициальные заключения в ответ на запросы национальных судов. Без таких изменений, без диалога Суда Союза и национальных судов, нацеленного на единообразное применение норм права Евразийского Союза всеми национальными судами стран-членов, невозможно создание единого правового пространства и, как следствие, полноценного единого внутреннего рынка.

Подводя итоги выше изложенного можно сделать вывод, что по сравнению с действующими сегодня судами интеграционных объединений юрисдикция Суда ЕАЭС сильно ограничена, что может стать серьезным препятствием на пути интеграционного развития Евразийского Союза. Статут Суда Союза свидетельствует, что государства-участники в значительной степени изменили юрисдикцию нового Суда по сравнению с той, которой обладал

Суд ЕврАзЭС. Следует согласиться с мнением А. С. Исполинова, что значимость внесенных Статутом Суда Союза изменений следует воспринимать исключительно в свете объективной оценки решений Суда ЕврАзЭС. Тем более, что структура институтов в рамках Евразийского экономического союза и компетенция его органов еще до конца не определились и вполне могут подвергаться дальнейшему совершенствованию.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] : с изм. и доп. от 12.08.2017 г. // КонсультантПлюс : Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2017.

2. Исполинов, А. С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза / А. С. Исполинов // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С. 152–166.

3. Соколова, Н. А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза / Н. А. Соколова // Lex Russica. — 2015. — № 11. — С. 96–103.

Конституционно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина

*Войтехович В. И., Овдийчук И. Н.,
Павлюк А. А., Шумская А. В., студ. I к. БарГУ,
науч. рук. Сушко А. А.*

Учение о правах человека признается одной из фундаментальных концепций современной человеческой цивилизации. Законодательное закрепление и обеспечение прав человека — принципиальное требование правового государства [2; 196].

В современном обществе высшей формой юридического выражения прав человека является их закрепление в международных актах [2; 200].

Идея прав и свобод человека относится к тем идеям, которые, пройдя многовековую историю, приобрели особую актуальность в современных условиях, выйдя на первый план отношений между государством и личностью [1; 272].

Государство должно исходить из приоритета прав человека. Признание, соблюдение и защита прав и свобод, чести и достоинства человека — главная обязанность государственной власти. Поэтому особое значение имеют правовые нормы, посвященные человеку, устанавливающие его правовое положение.

Права и обязанности людей закрепляются многими отраслями права, но особое значение в закреплении положения человека в обществе имеет го-